

Глава 96. Объятия

Главе рода Гу, стоявшему в стороне, повезло куда меньше.

Кто-то из тех, кто в панике убегал, сбил его с ног, а остаточная сила того удара прокатилась по округе, словно волна, и с чудовищной мощью врезалась ему в грудь. Во рту у него сразу разлился вкус крови.

Цзян Чаньюань всё так же вполголоса читал заклинание. Ещё миг назад глава рода Гу, прижимая ладонь к груди, пытался подняться, а в следующий миг вдруг застыл. Он оцепенело сидел на земле, ощущая, как какая-то жуткая сила вытягивает из него душу. Он чувствовал, как душа отделяется от тела, как его самого понемногу уносит вверх, как тело становится всё легче, а затем «увидел», что его плоть всё ещё сидит на окутанной пылью земле, тогда как душу насильно вырвали наружу.

В следующий миг он уже ничего не «видел» и провалился в пустую серую мглу.

На глазах у Хуай Чэнъяня Цзян Чаньюань с помощью жуткого заклятия силой выдернул душу главы рода Гу из тела!

Серовато-белая душа сжалась в звёздную искру и стремительно полетела к зависшему в воздухе Цзян Чаньюаню.

Плохо! Цзян Чаньюань хотел сожрать ещё живую душу главы рода Гу! Если он и правда её проглотит, то, даже если тело главы рода Гу не умрёт, очнуться тот уже не сможет никогда!

Но в ту же секунду стоявший впереди чудовищный незнакомец резко шагнул вперёд, с силой ударил ногой в землю, раскрошил тяжёлые синие каменные плиты и взмыл в воздух. Толстая чёрная цепь легко хлестнула вперёд, обвилась густой злобной аурой, подхватила отнятую душу и потянула назад.

Звёздная искра уже почти достигла Цзян Чаньюаня, а чудовище всё ещё было далеко. Ещё чуть-чуть — и Цзян Чаньюань успел бы её проглотить. Но вдруг неизвестно откуда одна за другой взвились кровавые руны, ринулись по следу движения Цзян Чаньюаня и сорвали его попытку поглотить душу.

Цзян Чаньюань нахмурился, и его алые глаза свирепо скользнули по всем, кто внизу в беспорядке пытался спастись бегством.

Кто-то прятался в темноте. От тех кровавых рун он едва успел уклониться, но всё равно смутно ощущал подступающую угрозу.

В пределах области Цянькунь, не считая нескольких святых, которых он хорошо знал, на такое

был способен лишь один человек.

Руки Цзян Чанъюаня быстро сложились в печать, и несколько почти неразличимых бледных струек тумана медленно расползлись наружу.

Чудовище перехватило ту звёздную искру широкой, как веер, ладонью и отступило, а потом тяжело рухнуло на землю. Повсюду брызнули обломки камня, взметая клубы пыли.

Хуай Чэнъинь поднял голову.

То самое чудовище, что только что учиняло в области Цянькунь бойню, теперь мчалось к нему, сжимая в ладони тускнеющую звёздную искру.

Появился он грозно, так, что дрожала земля, а лицо было свирепым, как у злого божества. Но, остановившись, вдруг как будто смутился, растерянно посмотрел на искру в своей ладони, потом на Хуай Чэнъиня и наконец медленно протянул руку:

— Держи.

Чудовище стояло против света. Лицо под маской тонуло в тени, и видны были лишь незнакомые, мёртвенно-пустые глаза.

— Я... я не умею, — глядя на протянутую руку, проговорил Хуай Чэнъинь.

Почему-то от неё веяло странной знакомостью. Даже эти два коротких слова вдруг показались ему до боли привычными.

Сян Син уже вернулся к своему обычному облику и размеру. Он знал, что Хуай Чэнъинь в таком виде его не узнаёт, неловко убрал руку обратно и, шумно ступая, вернулся к главе рода Гу.

Звёздная искра уже заметно ослабела.

Казалось, она тоже понимала, что человек, державший её, хотел спасти её хозяина, и тихонько потёрлась о пальцы Сян Сина.

Огромный, словно гора, великан опустился на корточки, обеими руками бережно поддерживая тускнеющую искру, и медленно поднёс её к телу главы рода Гу.

Когда искра приблизилась к собственному телу, она вспорхнула внутрь, словно живая маленькая звёздочка.

Совсем как утомлённая птица, возвращающаяся в гнездо в вечернем жёлтом небе над лесом.

Оцепеневшее тело главы рода Гу слегка дёрнулось, а затем с глухим стуком повалилось на землю. Из горла у него бессознательно вырвался стон. Душа уже вернулась в тело, но ей ещё требовалось время, чтобы окончательно с ним срастись.

Хуай Чэнъинь неотрывно смотрел на Сян Сина.

Сам не понимая почему, увидев, как чудовище держит эту звёздную искру, он вдруг вспомнил сцену, которой прежде никогда не было в его памяти.

Вокруг простиралась пылающая выжженная земля, над морем трупов и крови клубился густой дым.

И в том дыму шёл, пошатываясь, высокий крепкий мужчина в рваной одежде, весь покрытый ранами. В руках он нёс слабую, почти погасшую звёздную искру.

— Мы с тобой раньше где-то встречались? — не удержавшись, спросил Хуай Чэнъинь.

Сян Син весь напрягся.

Небесный огонь пожирал дома и лавки по обе стороны длинной улицы, и вверх валил густой дым.

Цзян Тан нервно смотрел, как под пальцами Фу Линцзюня одна за другой рождаются кровавые руны. Он уже какое-то время учился у него, но по-прежнему не понимал в этих рунах ровным счётом ничего. Даже те, что казались ему смутно знакомыми, Фу Линцзюнь всякий раз изменял, и из крови одна за другой проступали странные, зловещие узоры.

Вдруг вокруг неизвестно откуда поползли тонкие струйки бледного тумана.

Это был не дым от пожара. Скорее он напоминал тот чёрный туман, которым Фу Линцзюнь пользовался раньше, только цвет у него был другим.

Цзян Тан тут же дёрнул Фу Линцзюня за рукав:

— Туман... какой-то странный!

Рука Фу Линцзюня на миг замерла, а затем продолжила чертить руны. Только теперь он двигался ещё быстрее. Бледная рука мелькала так стремительно, что почти расплывалась в воздухе; одна руна за другой вылетали прочь, и невозможно было понять, куда именно они

устремляются.

— Значит, вот где ты прячешься.

Сначала донёлся голос, и только потом появился сам человек.

Голос Цзян Чаньюаня пришёл вместе с бледным туманом. Хотя они ещё даже не столкнулись лицом к лицу, Фу Линцзюнь уже прекратил рисовать руны, одной рукой обхватил Цзян Тана за талию и в следующее мгновение перенёс их на крышу дома напротив.

Бах!

Там, где они только что стояли, в следующую секунду полыхнул раскалённый небесный огонь, и павильон мгновенно превратился в обугленный остов, из которого валил чёрный дым.

Из клубов пыли вышел человек с алыми глазами.

Его белые одежды были перепачканы кровью и чёрно-серой гарью, и даосский святой, некогда стоявший так высоко над миром, теперь будто пал в самую обычную мирскую грязь.

С кончиков пальцев Фу Линцзюня сорвались фиолетовые дуги молний, и между ними выросла стена из громового пламени.

— Похоже, ты так и не восстановился, — с пренебрежительной усмешкой произнёс Цзян Чаньюань, глядя на полыхающее повсюду громовое пламя. — Неужели ты думаешь, что в таком состоянии сможешь меня убить?

Цзян Тан невольно напрягся.

Он верил, что Фу Линцзюнь не стал бы выступать против Цзян Чаньюаня без подготовки. Но руны, которые он только что выводил, были прерваны, и Цзян Тан не знал, скажется ли это.

— В тот день, когда ты вместе с Е Чжэнвэнем пришёл ко мне, он-то ничего странного не заметил, но у меня было чувство, что ты не так прост. Поэтому я оставил на тебе кое-какие метки.

Цзян Чаньюань слегка искривил губы, и в улыбке его звучало презрение:

— И верно. Тот никчёмный болван даже не понял, что к нему подкралась опасность.

Отыскав Фу Линцзюня, скрывавшегося в тени, Цзян Чаньюань словно уже увидел, как

собственноручно сворачивает ему шею. Он протянул руку и поманил его к себе:

— Ну же. Покажи, на что ты ещё способен.

На лице у него играла улыбка, но в то же самое время длинный меч, прорвавшись сквозь громовое пламя, распался на множество теней, и те плотным дождём устремились к тому месту, где стояли Фу Линцзюнь и Цзян Тан. Фу Линцзюнь одной рукой продолжал удерживать Цзян Тана за талию, а другой поднял поперёк меч Шифо.

Зазвенели бесчисленные удары — кончики клинков один за другим бились о чёрное железо. Огромный чёрный тяжёлый меч в руках Фу Линцзюня двигался с немыслимой быстротой. Будто вовсе не чувствуя его веса, он отбил мечи-тени, увлёк за собой Цзян Тана и помчался по крыше. Под ногами одна за другой трескались и осыпались вниз изящные глазурованные черепицы. Двое на крыше были быстры, как ветер, а в следующий миг Фу Линцзюнь уже возник позади большой толпы спасавшихся бегством культиваторов и бросил Цзян Тана на руки Сян Сину.

— А-а! Он... он тоже Фу Шэн!

— Почему Фу Шэнов два?! Разве тот, прежний, не умер?

— Да как он мог умереть так просто! Он пришёл убивать!

— Бежим!

Культиваторы снова рванули прочь.

Но сцена совершенно не походила на то, чего они ожидали. Великан, стоявший в хвосте толпы, подхватил прекрасного юношу, и в тот же миг Фу Линцзюнь, не задерживаясь ни на секунду, с невероятной скоростью умчался прочь.

Едва он взмыл в воздух, как меч Цзян Чаньюаня снова обрушился на него, неся безграничную жажду убийства.

Развевающиеся белые полы одежды Фу Линцзюня раскрылись, словно цветок белой сливы. Он в самый последний момент увернулся от удара и тут же увидел, как Цзян Чаньюань быстро складывает печати, громко читая заклинание:

— Высшая звезда у алтаря, откликайся без остановки.

Глаза у него были алые, как у безумца, но голос звучал торжественно, словно колокол, и волнами расходился во все стороны.

Одной этой строки хватило, чтобы тело Фу Линцзюня в воздухе на миг застыло, а потом камнем рухнуло вниз и с грохотом врезалось в крышу. Зазвенели расколотые черепицы, затрещали балки, торжественный голос заклания смешался со свистом духовного меча — всё вокруг слилось в оглушительный грохот.

— Сквозь мириады бедствий совершенствуюсь, дабы явить моё божественное искусство.

Печати в руках Цзян Чаньюаня становились всё быстрее, и после этой строки в его ладонях возник огромный золотой диск, на котором вращались триграммы Цянькунь. Диск всё разрастался и разрастался, готовясь придавить собой то высокое здание.

Золотой свет лился вниз, словно вода, не оставляя злему духу с повреждённой душой ни малейшего шанса спрятаться.

— Во всех трёх мирах, внутри и вовне, лишь Дао почитаемо превыше всего.

— Пусть три души пребудут вовеки, а семь душ не рассеются и не падут.

Балки ломались одна за другой, всё здание шаталось на грани обрушения, проваливаясь вниз пласт за пластом.

А затем небесный огонь и золотой свет хлынули вместе и подожгли уже рушившийся высокий дом изнутри и снаружи. Густой белый дым взметнулся высоко вверх, и ветер разнёс по всему городу мутную завесу.

— Фу Шэн, интересно, куда ты теперь ещё собираешься прятаться?..

Под небесным огнём и заклятием здание дрожало, вот-вот готовое рухнуть.

И за миг до того, как оно обвалилось, изнутри стрелой вырвалась белая фигура.

Взметнувшееся громовое пламя подхватило человека в воздухе. Он раскинул руки, и с двух бледных ладоней волна за волной расходилось громовое пламя, постепенно свиваясь в очертания феникса. Тёмно-фиолетовое и золотисто-красное переплетались; молнии и огонь за его спиной распахнули крылья и сгустились в гигантского феникса из громового пламени, который с криком бросился на Цзян Чаньюаня.

— Цзян Чаньюань, ты ослабел? — ветер от взмаха фениксовых крыльев смёл обломки черепицы и взметнул распущенные по плечам волосы Фу Линцзюня. Он уже снял маскировку и слегка вскинул голову.

В его тонких, будто написанных кистью, чертах читались презрение и насмешка. Глядя на

даосского святого, державшего в руках золотой диск, он громко произнёс:

— Или осквернённая духовная сила больше не позволяет тебе пользоваться заклятиями?

Улыбка на лице Цзян Чаньюаня застыла. Теперь он был осквернённым сердечным демоном, а не тем светлым, безупречным даосским святым, каким некогда казался.

Одной этой фразой Фу Линцзюнь посеял в нём нелепый, но настоящий страх, и Цзян Чаньюань резко опустил взгляд на диск в своих руках.

Диск Цянькунь всё так же сиял золотом, величественный и священный.

С виду он ничем не отличался от прежнего.

Но именно этого мгновения Фу Линцзюнь и ждал. Пока феникс нёсся вперёд, его руки без остановки выводили новые кровавые руны. Душа в груди бурлила, голова раскалывалась от боли, и даже духовная сила внутри обезумела, бешено метаясь по телу и норовя разнести ему внутренности.

Вкус крови, подступивший к горлу, Фу Линцзюнь силой проглотил обратно. Бледно-золотой солнечный свет упал ему в глаза, и в них мелькнула жёсткая, хищная уверенность.

В следующий миг последняя кровавая руна наконец была завершена.

Кровавые руны, спрятанные по всей области Цянькунь, внезапно проявились. В одно мгновение небосвод стал кроваво-красным, и наблюдавшие издали культиваторы в ужасе попятились.

— Фу Шэн!

Кровавые руны, словно паразиты, вьёвшиеся в кость, со всех сторон окружили Цзян Чаньюаня и сплели вокруг него кровавый кокон. Каждый его удар отбрасывало назад, а ядовитая сила крови Фу Линцзюня жгла ему кожу.

— Ты, ублюдок, только и умеешь, что прятаться за чужими спинами! — Цзян Чаньюань с силой ударил по кокону кулаком.

Обожжённая кожа зашипела белым дымом, но он будто вовсе ничего не чувствовал. Как загнанный зверь, он рвался, бился, извергал грязные, невыносимые проклятия.

Не до конца угасший небесный огонь всё ещё пожирал эту выжженную землю. Фу Линцзюнь

стоял среди руин, весь оплетённый прыгающими дугами молний. Ярко-алая кровь капля за каплей стекала с его бледных пальцев на землю и тут же испарялась от нестерпимого жара.

— Ч-что это такое?! — прятаящиеся вдали культиваторы в ужасе отступали всё дальше. — Кровь... повсюду кровь!

— Святой взбесился, Фу Шэн вдруг объявился... Да что здесь вообще происходит?

— А вам не кажется, что это Фу Шэн что-то подстроил и поэтому святой стал таким?

Кто-то невольно покосился на бледного Янь Цунси с закрытыми глазами.

После того как Хуай Шоусинь вытащил его обратно, Янь Цунси всё ещё не приходил в себя. Раны Хуай Шоусиня были легче, и он одновременно лечил себя и вливал духовную силу в тело Янь Цунси.

Тёмно-зелёные одежды Янь Цунси пропитались кровью до черноты. Казалось, он весь вымочен в крови. Его всегда безупречная причёска растрепалась, выбившиеся пряди, смешавшись с потом и кровью, липли к бескровному лицу. Он выглядел так, будто в следующую же секунду душа покинет его тело.

— Я... думаю, дело не в этом, — человек невольно сглотнул. — Пожирать нечистые души — это же кормить сердечного демона! Пусть Фу Шэн и силён, но не мог же он ещё до собственного рождения заранее вырастить в свя... в Цзян Чаньюане сердечного демона... И всё это время Цзян Чаньюань скрывал его у себя, не выдав ни малейшего изъяна.

На этих словах от обращения «святой» уже отказались и начали звать его просто по имени.

Слабый голосок сбоку вставил:

— На этом Пире Десяти Сторон глава рода Гу из префектуры Цзянлин как раз говорил, что возле посёлка Цэньнань пропало много простых смертных с чисто-иньским гороскопом... И тот злой дух, что заслонял небо и солнце, тоже всё бормотал о закланиях изгнания нечисти Цзян Чаньюаня... Просто тогда никто не придавал этому значения.

— Точно, я тоже это помню! А где глава рода Гу? Он же должен знать больше всех!

— А... а где глава рода Гу?

— Он без сознания. Его только что чуть не сожрали вместе с душой.

— Так что же всё-таки между Цзян Чаньюанем и Фу Шэном? И что... что нам теперь делать?

Толпа за спиной перешёптывалась. Они краем глаза заглянули в тайну, которую Цзян Чаньюань скрывал тысячелетиями, и теперь их пробирал запоздалый страх. Но в то же время они боялись и Фу Линцзюня.

— Раз он запечатал Цзян Чаньюаня, то кто у него на очереди дальше? Мы?

Неизвестно кто бросил эту фразу, и страх тут же, будто на крыльях, понёсся по толпе.

Культиваторы, которых Сян Син исхлестал цепями, выглядели совсем жалко. Кожа и плоть у них были разодраны в клочья, и от боли они выли в голос. По лбам катились крупные капли пота, а в глазах стояли ненависть и ужас.

— Он же злой дух! Он запечатал область Цянькунь и нас тоже точно не пощадит!

— Вы что, забыли? Префектуру Цзэян он за одну ночь сравнял с землёй, и там все умерли! Нам тоже не выжить!

Мужчина с лицом, белым как бумага, тяжело опустился среди ревущего громового пламени на землю. Его тяжёлый меч глубоко вошёл в толстую каменную мостовую, а белые одежды были сплошь перепачканы. Но даже так в этих тонких, словно написанных кистью глазах ещё стояла бездонная жажда убийства.

Сил у него почти не осталось. Всё тело опиралось на меч Шифо, перепачканный кровью, однако спина оставалась прямой.

Глядя на эту возвышавшуюся в громовом пламени фигуру, никто из людей не испытал ни малейшей благодарности за то, что Фу Линцзюнь принял на себя удар Цзян Чаньюаня. Напротив — он казался им ещё страшнее.

Страх, укоренившийся в самой глубине души, не давал им подойти ближе. Они боялись, что эта острая убийственная аура разорвёт их в клочья.

Кроме одного человека, бежавшего сквозь дым.

Это был безоружный, хрупкий на вид юноша. Среди всеобщего ужаса и отторжения он без колебаний бросился вперёд, пересёк руины и выжженную землю, чтобы обнять Фу Шэна, всего окутанного громовым пламенем.

Подбежав сзади, он осторожно протянул руки и крепко прижал его к себе.

<http://bllate.org/book/17032/1721941>